

Автор предупреждает: данное произведение — вымысел от первого слова до последнего. А всякое сходство с реальными событиями и людьми случайность.

1

Возможно, причина и была...

У сына шок! А папа, откинув полы летнего пиджака и заложив руки в карманы брюк, посмеивался да прохаживался вдоль роскошного спортивного кабриолета — подарка на день рождения. Он был не менее счастлив, чем семнадцатилетний сын, который открывал и закрывал рот, взмахивал руками, словно у него рассеянный склероз и мальчик позабыл, с чего начинать, когда хочешь сделать шаг. Пора привести ребенка в чувство.

— Нравится? — спросил папа.

Ребенок как будто отрицательно покачал головой, но это и был знак одобрения, искреннего восхищения, означавшего: я о такой машине даже не мечтал. Папа рассмеялся, подтолкнул сына:

— Чего стоишь? Садись.

Вито перемахнул через дверцу, упал на водительское кресло и, еще не взявшись за руль,

сразу представил, как несется по городу, вдыхая ветер.

— А где ключи? — хрипло спросил юноша.

— Вот сюда пальцем нажми, — показал отец.

— Так просто?

— Да, так просто.

Мотор завелся. Мальчик закричал, вскинув кулаки вверх:

— А-а-а-а! А-а-а!

— Ну, осваивайся. Если пойдет дождь, вот эту кнопку нажмешь — и кабриолет превратится в обычную машину с закрытым верхом, а сейчас верхняя часть в багажнике, учти, места там больше нет. Ну, давай, давай, пробуй. Не торопись только, покатайся вокруг маминой клумбы.

— Папа... Спасибо!

Сын медленно тронулся с места, а отец пошел в дом.

В его паспорте записано имя Арамаис, но друзья нарочно игнорировали одну букву, не желая ломать язык, и Баграмян стал для всех Арамисом. На его внешности не отразились характерные черты армянских предков, всему виной кацапка, как он сам шутил, мама. Правда, от отца достались ему густые черные волосы, смуглая кожа, а также пронизательные карие глаза, зато черты лица европейские. С женской точки зрения, Арамис красив, хотя и неболь-

шого роста, с мужской — слегка слащав. Его предприимчивость, умение вести дело, вкус — Арамис не позволял себе дешевки ни в чем — вызывали зависть. Сын похож на него, в то же время унаследовал светлые волосы матери и некоторые ее черты, но по большому счету Вито — сын своего отца.

В гостиной Арамис снял пиджак и кинул его на диван, расположившись в массивном кресле, включил DVD-проигрыватель. Две вещи он считал истинными шедеврами — книгу Пьюзо «Крестный отец» (фильм он тоже обожал) и отечественный фильм «Бригада», к остальным продуктам с маркировкой «Сделано в России» относился более чем пренебрежительно. Книгу перечитывал, а фильмы пересматривал бесчисленное количество раз, сына назвал Вито в честь главного героя, а молодежный ночной клуб, который он открыл первым в городе, — «Корлеоне». Между прочим, с итальянской кухней, хотя мальчики и девочки ни черта не понимают в еде.

Раздался звонок, Арамис потянулся к пиджаку, достал один сотовый телефон, потом второй...

— Слушаю.

— Это я, Мальвина... — послышался тусклый голос, какой бывает у людей, перенесших потрясения.

— Какая Мальвина? — озадачился он.

— Ваш тренер. Из спортивного клуба...

— А-а-а, — протянул Арамис радостно. — Мальвина! Рад слышать тебя. Откуда звонишь?

Его тон, то, что он помнит о ней, вселили надежду, Мальвина заговорила быстро, глотая по половине слов:

— Я в Турции. Арамис, мне очень сложно было позвонить вам, поверьте, а вы — моя последняя надежда. Помогите мне, прошу вас...

— А тебя отлично слышно! Нет, правда, будто ты в городе. Прости, так в чем проблема?

— Мне нужны деньги. Немного. На билет и... Я верну, обязательно верну, как только приеду... Прошу вас, вышлите мне... эту сумму... только эту...

И заплакала.

— Без проблем. Называй адрес.

Вперемежку со слезами и счастливым смехом она назвала адрес, а он, в некоторой степени являясь человеком ленивым, перед ее диктовкой второй телефон перевел на диктофонную запись, чтобы не писать авторучкой. Потом бросил обе трубки на соседнее кресло и включил просмотр фильма.

На подлокотник присела жена. Не взглянув на нее, Арамис взял ее руку и поднес к губам.

— Кто звонил? — поинтересовалась она.

— Мальвина. Из Турции. Денег просила.

- Принести кофе или чай?
- Не надо, посиди со мной.

Двух человек он любил, что называется, без оглядки, беззаветно и преданно — жену и сына.

Президент комплекса «Табакерка» Горбанев Анатолий Петрович поднял глаза на вошедших мужчин. Три оглобли, явно безмозглые, отличающиеся от человекообразных обезьян только тем, что умеют произносить членораздельно несколько слов, остановились перед ним, образовав треугольник. У Горбанева подскочило к горлу сердце: не убивать ли пришли? И второе: за что, за что, за что? Да, эти мужланы будто обнаружили портал и перешли из прошлого в настоящее, во всяком случае, именно таких братков времен лихих девяностых показывали в кинофильмах. Показывать-то показывали, а живьем Горбанев их не видел.

— Слушаю вас, — сказал он, а то стоят... Оглобли, одним словом.

— Слух пошел, ты толкаешь эту коробку, — сказал тот, что стоял впереди, два других остановились за его спиной.

— Ну и? — не понял Горбанев. Однако успокоился, ведь появились покупатели, а не бандиты. Но похожи на бандюков высшей пробы, которым человека завалить — все равно что руку пожать.

— Толкани нам, — сказал тот.

— Если сойдемся в цене... — начал Горбанев, но главная оглобля его перебила:

— Нам кусок отдай. Клуб «Корлеоне».

— Здание продается целиком...

— А нам целиком не нужно, нам клуб «Корлеоне».

Это уже похоже на ультиматум, значит, Горбанев не ошибся, братки пожаловали для устрашения, а прислал их хозяин, на которого работают. В мозгах щелкнул переключатель, перевел извилины в режим калькулятора. Продав им лишь «кусок» здания, оставшаяся часть уйдет за гораздо меньшую сумму, чем если бы продавал его полностью в одни руки. Да, упадет цена, упадет. Невыгодно. Что же делать? Думать долго нельзя, эти уроды непредсказуемы, Горбанев внес уточнение:

— Клуб не мой, поэтому его я не могу продать при всем желании, хозяин арендует у меня помещения, у нас подписан договор и...

— Здание твое?

— Мое. А клуб чужой.

— Мы забираем клуб. Нам он подходит.

— То есть как это — подходит?

— Мы там развлекательный центр забомбим покрупней твоего вшивого клуба. — Говоря, он крутил в воздухе указательным пальцем. — У нас там все будет, понял? Все!

— Ах, вот как! — обрадовался Горбанев. И было чему радоваться, теперь он чувствовал себя на коне. — Ваше желание невозможно. Наш мэр запретил развлекательные заведения с сомнительной деятельностью, так что идите к нему.

— С мэром договоримся...

— Когда договоришься, тогда и приходи.

А за это время он продаст здание целиком!

Как только человекообразные убралась за дверь, Горбанев сделал звонок Арамису:

— Пару минут назад у меня были три уroda. Не из наших, наверняка из областной братвы. Честно, я таких лишь в кино видел. Они требовали у меня твой клуб.

— На каком основании? — хохотнул Арамис.

— Развлекательный центр хотят открыть, где будет все. А все — это и нелегальная деятельность. Понимаешь, что это будет за центр?

— Это не основание, а желание. А ты?

— К мэру послал их. Короче говоря, как-нибудь заскочи ко мне в кабинет, Арамис, поговорим тет-а-тет.

— Хорошо, зайду.

Арамис в сердцах кинул трубку, но, поймав на себе недоуменный взгляд сына, улыбнулся ему:

— Это так... кое-какие неприятности. Поехали? Нас ждут в клубе, да и мне необходимо

увидеться с Горбаневым сегодня же. Скотина он приличная, а что делать. Как меня достал, о, если бы кто знал.

— Папа, ты обещал сделать мне права, — идя к новенькой, сверкающей лаком машине, напомнил сын.

— Ах да. Прости, Вито, вылетело из головы. Садись за руль.

— А если остановят?

— Забыл, чей ты сын? — приподняв одну бровь, надменно усмехнулся Арамис. — Начальник ГИБДД мой друг, его дорожные шавки меня знают, не посмеют остановить. Привыкай, Вито, к своей исключительности.

В глазах сына мелькнула гордость, он выехал на улицу и, поглядывая на родителя, улыбался ему робко, как улыбаются всесильному божеству.

Горбанев успел слинять, это вызвало досаду, но, войдя в зал клуба — а сегодняшней день посвящен сыну и его друзьям, посторонних здесь не будет, — у Арамиса невольно потеплело на душе. Ребята, человек тридцать, и ни одной девочки, встретили его дружным ревом. И особенно приятно — любовь сына, мальчишка просто светился. Арамис поднял руку, рев смолк, он тихо, но его слышали все, сказал:

— Отдыхайте. У нас чисто мужская компания, но девочки придут, будьте вежливы с дамами.

Он хлопнул в ладоши — к шестам выбежали четыре девчонки. И в зале появились молоденькие официантки с подносами, на которых стояли бокалы с коктейлями.

Калерия Олеговна прибежала из кухни, схватила трубку, да так и ахнула, услышав родной голос:

— Мама... Мама, это я...

— Мальвина, солнышко... — Ноги подкосились, она присела на пуфик. — Как!.. Господи, ты так долго молчала! — Но живущая как на иголках мать в течение долгого времени вдруг наехала на дочь: — Почему не звонила? Ты хоть чуточку думаешь обо мне? Я тут места себе не нахожу!

— Мама! — отчаянно крикнула дочь. — Мама, у меня мало времени.

— Как это — мало? Год ни одного звонка, а сейчас говоришь, мало времени?

— Мама, выслушай! Я в тяжелом положении, не перебивай! Если приеду домой, все расскажу.

— Что? Если приедешь? Что значит — если?

— Я звонила Баграмяну, просила прислать денег... займы... чтобы вернуться домой, он обещал, но... Не могла бы ты сходить к нему и напомнить? Запиши адрес...

Карандаш под рукой, как и блокнот для подобных записей. Калерия, поверив, что дейст-

вительно случилось нечто серьезное, приготовилась писать:

— Диктуй.

Мальвина продиктовала адрес и еще раз напомнила:

— Не забудь, сходи.

— А сколько надо?

— Тысячу долларов. На авиабилет и по мелочам... долги отдать. У тебя таких денег нет.

— Мальвина... я... я попробую найти...

Связь прервалась.

Это средний российский город, но успешно соединивший в себе градообразующие предприятия и другие виды деятельности, потому здесь довольно благополучная обстановка, пресловутых народных волнений с флагами и плакатами не бывает. Но дело не в этом. Подобные города как один большой многоквартирный дом. В таком доме, хочешь не хочешь, а встретишься с недругами в самых неподходящих местах, так ведь дом-то один на всех.

Пришли развлечься на крестины, а уперлись носами друг в друга! Конечно, сначала в глаза бросается Маймурин, он огромен — что в рост, что вширь удался, полностью лысый, с белесыми глазами и влажными губами, короче говоря, вылитый Шрэк, только не зелененький. Практически не найдешь в городе

человека, который отозвался бы о Маймурине положительно, в лучшем случае предпочтут промолчать на его счет или перевести разговор в другое русло.

Киселев пониже и поуже, ему полтинник, как и его недругу Маймурину, правда, второй выглядит значительно старше, но исключительно из-за жировых запасов. В сущности, Киселев — человек, не лишенный обаяния, правда, с внешностью номенклатурного работника того незабываемого времени, когда вся власть принадлежала Советам, зато с чувством юмора. Материального благополучия он достиг самостоятельно (знал, как его достигнуть, в отличие от большинства), достиг, работая как вол, чем был горд, но последние несколько месяцев бедняге пришлось несладко, отказало ему и чувство юмора. Виною всему вражда с Маймуриным. Досадно, что так изменчива судьба, пожалуй, это самая неверная и коварная женщина на свете.

Сошлись и разошлись, свирепо сверкнув глазами. А стол один. Но оба сели в разных концах. Если смеялся один, не смеялся второй, если говорил один, второй демонстративно разговаривал с соседом. Да, вели себя как дети, но когда «детки» разменяли по полтиннику, возникает закономерный вопрос: не пора ли им обратиться к психиатру?